С. М. Лойтер
Петрозаводск

КУМУЛЯТИВНАЯ ФОРМА В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ГЕНЕЗИС, ФУНКЦИЯ

Памяти сына Я. И. Гина

Кумулятивная форма, основанная на принципе цепи, нанизывания, нарастания, нагромождения, многократного повторения одних и тех же действий и элементов, широко репрезентирует в детском фольклоре. Предметом нашего непосредственного рассмотрения являются такие жанры детской поэтической классики, как песенки-прибаутки, принадлежащие «поэзии пестования», и кумулятивные сказки, которые структурно и генетически составляют самостоятельную жанровую разновидность[1].

Впервые попытку выявить истоки, исторические корни кумулятивной формы сделал И. И. Толстой. Сопоставляя античное искусство с русским фольклором, легенды афинских буфоний с русской народной сказкой (легенда о казни топора и сказка «Смерть петушка», легенда о юноше Эрисихтоне и сказка о глиняном Иванушке), он возводит кумулятивную форму к древнейшим обрядовым действам. Обращение к русской и шире — восточнославянской традиции в глоттогенетическом плане позволило В. Н. Топорову из ее «начал», к усвоению которых расположена кумулятивность, выделить вопросо-ответный диалог (ВОД), который «встречается в разных жанрах устной народной словесности, но имеет свой локус и свою «сильную» позицию в обрядовых текстах, вырастающих из техники ритуала «перехода» и составляющих важную часть ритуала…жизненного цикла»[2]. Именно к таким переходным ритуалам жизненного цикла и сопровождающим их текстам относятся архаические тексты Агады, сопровождающие еврейскую пасхальную обрядность. Это песня-загадка «Одного кто знает?» и песня-сказка «Козленок». Вопросо-ответы песни-загадки обращены к тому, что «есть в мире сакрально и значимо», что освящено актом творения и отражает особенности древнего мышления — объяснять миропорядок, мироустройство эмпирически, через конкретное.

© Лойтер С. М., 2001

[1] *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 241—257; *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 292—299; *Лойтер С. М.* О жанровой специфике кумулятивной сказки // Проблемы изучения русского поэтического творчества: Респ. сб. Вып. 6. М., 1979. С. 18—28.

[2] *Топоров В. Н.* Несколько соображений о становлении языково-поэтических «начал» // Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону». М., 1996. С. 125.

«Одного кто знает? — Одного я знаю. Один у нас Бог на небе и на земле.

— Двоих кто знает? — Двоих я знаю. Две скрижали завета, один у нас Бог на небе и земле.

— Троих кто знает? — Троих я знаю. Три патриарха, две скрижали завета, один у нас Бог на небе и земле».

Далее следует еще девять вопросо-ответов, тринадцатый вбирает в себя все предыдущие:

«Тринадцать свойств Бога, двенадцать колен Израиля, одиннадцать звезд, десять заповедей, девять лун до родов, восемь дней обрезания, семь дней недели, шесть разделов Мишны, пять книг Торы, четыре праматери, две скрижали завета, один у нас Бог на небе и земле».

В сказке «Козленок», связанной с обрядом жертвоприношения в канун Пасхи, как и в афинских буфониях, происходит перекладывание вины:

«И пришел кот и съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок.

И пришла собака и загрызла кота, который съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок.

И пришла палка и забила собаку, которая загрызла кота, который съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок.

И пришел огонь и сжег палку, которая забила собаку, которая загрызла кота, который съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок.

И пришла вода и погасила огонь, который сжег палку, которая забила собаку, которая загрызла кота, который съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок.

И пришел бык и выпил воду, которая погасила огонь, который сжег палку, которая забила собаку, которая загрызла кота, который съел козленка, которого купил отец за две зузы. Козленок, козленок…»[3].

Как и жертвенный козленок, каждое действующее (одушевленное и неодушевленное) лицо этого обрядового текста имеет определенный ритуальный смысл. Свидетельствуя о том, что на одинаковых стадиях развития у разных народов создаются сходные формы культуры, кумулятивная конструкция оказывается тем «началом», из которого возникают и развиваются тексты с особой поэтикой.

Обратимся к широко распространенной разновидности вопросо-ответной прибаутки, рассмотренной нами в 40 вариантах (38 из них опубликованы), записанных в Вологодской, Владимирской, Тульской, Рязанской, Новгородской, Псковской, Архангельской, Тверской областях, в Сибири, в Ка-

[3] Пять мегилот и гагада шел песах / Пер. с иврита П. Гиль; Под общ. ред. Г. Брановера. Иерусалим, 1998. С. 162—167.

релии, Белоруссии[4]. Самая ранняя запись относится к середине прошлого века и помещена в сборнике А. Н. Афанасьева, самая поздняя сделана фольклористом из Архангельска Н. В. Дранниковой в 1997 году. Все они содержат одну (с большим или меньшим числом звеньев — от 15 до 6) вопросо-ответную цепь. В приведенном ниже варианте таких вопросо-ответов 13:

— Коза, коза, лубяные глаза, где была?
— Коней пасла.
— Кого выпасла?
— Жеребеночка.
— Где этот жеребеночек?
— Миколка увел.
— Где этот Миколка?
— По клиньям ушел.
— Где эти клинья?
— Водой снесло.
— Где же вода?
— Быки вызымали.
— Где же эти быки?
— За горами лежат.
— А где же эти горы?
— Черви выточили.
— А где же эти черви?
— Гуси выклевали.
— Где же эти гуси?
— В трепесняк ушли.
— Где этот трепесняк?
— Девки выломали.
— А где эти девки?
— По замужьям ушли.
— А где эти замужья?
— У бога в раю в золотом пузырю[5].

---

[4] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 3. № 535; *Шейн П. В.* Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. д. Спб., 1900. Ч. 1. № 92, 98, 102; Младенчество. Детство / Сост., подг. текстов, вступ. ст. В. П. Аникина. М., 1991. С. 164—170, 195—196; *Мельников М. Н.* Русский детский фольклор. М., 1987. № 123, 143; Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. № 47; Сказки Ленинградской области / Собр. и подг. В. Бахтин и П. Ширяева. Лениздат, 1976. № 20; Русский детский фольклор Карелии / Сост., подг. текстов, вступ. ст., предисл. к текстам С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991. № 184, 192; *Зилотина Е. А., Смирнова О. В.* Материалы по детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура. М., 1995. № 20—24; *Дранникова Н. В.* Фольклор Архангельского края. Архангельск, 1999. С. 62; Архив Поморского ун-та (Архангельск), тетр. 45, С. 80, № 22; Дзіцячы фальклор / Сост. Г. А. Барташевич. Минск, 1972. № 396—399; Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору / Сост. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1993. № 59—63.

[5] Руский детский фольклор Карелии. Указ. соч. № 184. Текст записан в 1979 г.

Выявление этнографического субстрата ведет к обряду колядования и сопровождавшим его «овсеневым песням» (разновидность детских колядок)

— Таусень, дуда!
Ты где была?…[6]

или к святочному ряженью «в козу», описанному П. В. Шейном[7]. И в том и в другом случае диалог в обряде начинается с вопроса «где была (был)?», который Л. Н. Виноградова соотносит «с мотивом, связанным идеей прихода издалека»: верой во вредоносные силы объясняется проверка, которой подвергается каждый приходящий в дом или подходящий к нему[8]. Мифологическую семантику заключают в себе вопросо-ответы о ВОДЕ, ГОРЕ, ВОРОТАХ, МОРЕ, БЫКАХ и т. д.[9] В обряде эта серия вопросо-ответов имеет назначение объяснить единство и целостность мира. Но это в древнем обряде.

Утратив связь с актами обряда, его назначением, сохранив лишь на словесном уровне реликты архаических ступеней, текст песни-загадки утратил и первоначальный смысл. Осталась лишь игровая функция. И это предопределено структурообразующим принципом «присоединительной связи» (Топоров), на котором основана кумуляция.

Вопросо-ответы в прибаутке, а их может быть больше и меньше (об этом мы уже говорили), их произвольная последовательность в разных вариантах свидетельствуют о том, что они лишь игровые звенья, которые значимы не своей семантикой, логикой или смыслом, а своей игровой сущностью. Это игра предметами, явлениями, существами. Чем их больше, тем длиннее игра.

Осознание важности игры как преобладающей формы жизнедеятельности ребенка лежит в основе того отбора, который исторически сделала народная традиция и народная педагогика, выделив из огромного обрядового репертуара именно такие тексты для адресования самым маленьким.

Аналогичную закономерность мы наблюдаем в кумулятивной «формульной» (Пропп) сказке «Смерть петушка» (СУС, АТ: 2021 А; 241 1; 2032), представляющей цепь нарастающих обращений-отсылок. Нам известны 29 вариантов этой сказки[10].

---

[6] Поэзия крестьянских праздников / Сост. И. И. Земцовский. Л., 1970. № 98.

[7] *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Спб., 1887. Т. I. Ч. 1. С. 89—96 (приведено девять песен).

[8] *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982. С. 179,188.

[9] *Лойтер С. М.* О мифологическом начале детской прибаутки // Кармановские чтения. Вып. 3. Ижевск, 1998. С. 107—114.

[10] 20 вариантов (русских) см.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979. С. 382—383; 7 вариантов — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. И. Разумова и Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982. С. 358; I вариант — Сказки

Сюжет ее состоит в следующем: петушок подавился, курица бежит к реке (морю, озеру) просить воды, та не дает, следует цепь отсылок — к липе, девке (нительнице), корове, молочнице, калачнице (печее), сенокосцам, кузнецам, угольникам; в разных вариантах число отсылок разное (наиболее полный, художественно развернутый вариант, записанный А. И. Никифоровым от двенадцатилетнего мальчика на Пинеге и помещенный под № 44 в «Севернорусских сказках», содержит десять отсылок), тем не менее в одних случаях петушок подавился, в других — ожил. Семь обращений-отсылок содержит вариант, записанный в 1998 г. и определяющийся хорошей сохранностью мифологического плана сказки, всех видов повторов, ритмичностью, самобытностью заонежского говора.

Ну, жили кочеток да курочка. Пошли они зернышек поклевать. Да кочеток и задавийся. Курочка побежала к реке:

Река, река, дай воды.
Петушок задавийся — отживить.

Река и говорит: «Сходи к липы, принеси листик. Тогды я тебе дам». Она побежала к липы:

Липа, липа, дай мне листик.
Петушок задавийся.
Лист наб реки.
Река дает воду.
Петушок задавийся.
Петушка отживить.

А тая говорит: «Сходи к девки. Попроси пояс. Тогды я тебе дам листик». Курочка побежала к девки:

Девка, девка, дай пояс.
Пояс наб липы.
Липа дает лист.
Лист наб реки.
Река дает воду.
Петушка отживить.
Петушок задавийся.

А девка и говорит: «Сходи к корове, принеси масла. Потом я тебе дам пояс». Она побежала к коровы:

Корова, корова, дай ты мни масла.
Масло наб девки.
Девка дает пояс.
Пояс наб липы.

Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986. № 72; последняя запись сделана в июле 1998 г. в с. Шуньга от 80-летней М. С. Медведевой — личный архив автора этих строк.

Липа дает лист.
Лист наб реки.
Река дает живой воды.
Петушка отживить.
Петушок задавийся.

А корова говорит: «Сходи к сенокосцам. Принеси сена». Ну, вот. Бедна курочка и к сенокосцам побежала:

Сенокосцы, сенокосцы, дайте сена.
Сено наб корове.
Корова дает масла.
Масло наб девки.
Девка дает пояс.
Пояс наб липы.
Липа дает лист.
Лист наб реки.
Река дает живой воды.
Петушка отживить.
Петушок задавийся.

А сенокосцы говорят: «Сходи в кузницу. Дай скуй косу нам. У нас косить нечем». Она, бедна, в кузницу побежала. В кузнице говорит:

Кузнецы, кузнецы, дайте косу.
Коса наб сенокосцам.
Сенокосцы дают сена.
Сено наб корове.
Корова дает масла.
Масло наб девки.
Девка дает пояс.
Пояс наб липы.
Липа дает лист.
Лист наб реки.
Река дает живой воды.
Петушка отживить.
Петушок задавийся.

А в кузнице говорят: «Сходи к угольщику. У нас угля нет». Она к угольщику и побежала.

Угольщики, угольщики, дайте углю.
Уголь наб кузнецам.
Кузнецы скуют косу.
Коса наб сенокосцам.
Сенокосцы дают сена.
Сено наб корове.
Корова дает масла.
Масло наб девки.
Девка дает пояс.
Пояс наб липы.
Липа дает лист.
Лист наб реки.

Река дает живой воды.
Петушка отживить.
Петушок задавийся.

Угольщики дали углю. Курочка побежала. Все оббежала. Отдала всим. Река дала воды, и она брызнула петуха водой. И он:

Кукарек-ку! Как я долго спал.

Никакой причинно-следственной связи в отсылках нет. И от того, больше их или меньше, не зависит исход дела. И не в исходе смысл и суть сказки. Она в атмосфере игры, которая создается открытостью сюжета и которая тем ярче, фантастичнее, веселее, чем больше в ней предметов, вещей, лиц. Сказка утратила ритуальную семантику обряда, когда липа, лист, река, пояс, имели значение оберега или культа[11]. И липа, и лист, и пояс, и сено и т. д. — все они нужны не для действия, а создания нового игрового звена. Каждый новый предмет или персонаж нужен сказке как мотивировка продолжения, возобновления, развития словесной темы, которая и лежит в основе игры. Она создается «стихией повторяемости» (С. Неклюдов). Каждое новое обращение — это словесная игра, основанная на разного рода повторах. Прежде всего это повторение целых словесных комплексов, которые, в свою очередь, состоят из повторяющихся параллельных синтаксических рядов («река дает воду…», «липа дает лист…», «девка дает пояс…»).

Другой вид повтора, создающий игру словом, — палилогия, стык, состоящий в том, что предыдущая строка заканчивается словом, которым начинается последующая. Повтор — это и начало каждого обращения («река, река, дай водицы»; «липа, липа, дай листа»), которое по своей форме близко тем устойчивым словесным формулам, выражающим желание, которые широко используют такие виды детского фольклора, как заклички и сечки. Наконец, повторяемость — сам ритм сказки, непреложно соблюденное чередование нарастающих фразовых единств, представляющих одну из форм народного стиха, и прозы. Принцип ритма — ему подчинены все уровни сказки.

Сюжет другой «формульной» кумулятивной сказки «Терем мухи» (тип 283 B = AA282) состоит в том, что в терем (решето, черепок) последовательно, по одному забираются разные животные и насекомые. Сказка представляет собой вопросо-ответную цепь. Каждый новый персонаж входит со стереотипным вопросом: «Кто в терему живет?» И каждый раз в ответ звучит перечисление обитателей теремка точно в той последовательности, в какой они поселялись в нем, без перебоев, пропусков, перестановок. Число персонажей и их состав в разных вариантах меняется, их может быть двенадцать

[11] *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. II. С. 120—248, 358; *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре: 1917—1934. М., 1999. С. 140—181.

(как в варианте Кривополеновой[12]) и семь, девять, шесть. От этого ничего не меняется. Важно другое: каждый персонаж наделяется дифференциальным, различительным признаком, своеобразным прозвищем, которое может рифмоваться с именем и быть не рифмованным. Этот принцип наделения прозвищем сказка соблюдает неукоснительно. Следовательно, наличие прозвища в сказке функционально. Это подтверждается многообразием прозвищ, которые отражают стремление исполнителей сказок к словотворчеству. Приведем примеры прозвищ одних и тех же персонажей в разных вариантах[13]:

Муха-горюха — Аф. 82, Карн. 94, Крив., Заон. 73
Муха-шумиха — Аф. 83
Муха-полетуха — Вол. 1965

Мышь, из-за угла хмыстень — Аф. 83
Мышечка-тютюрюшечка —Аф. 82
Мышка-норышка — Аф. 84
Мышь-торочайка — Вол. 1965
Мышь — толста колоколенка — Крив.
Мышевна-колоколовна, молода Снафидья Давыдовна — Бал. 79
Мышка, коротенки ножки, толсты стегонца — Бал. 79
Мышка-попрыгушка — Заон. 73

Заяц, н а поле сверстень — Аф. 83
Заюшко из-под кустышка — Аф. 82
Заяц, на горе увертыш — Аф. 84
Заюног-кривоног — Карн. 94
Заяц-боботун — Вол. 1955
Заяц-полевая краса — Вол. 1965
Заюшко-попытаюшко, ушки долги, ножки коротки — Крив.
Заяц-белейко — Бал. 75
Заяц-попрыгун, по горам скакун — Заон. 73

Лиса Патрикеевна — Аф. 82
Лиса, на поле краса — Аф. 83
Лисица, везде поскокиш — Аф. 84
Лисица, масляна губица, дивья красовица, малинов цвет — Вол. 1955

---

[12] *Кривополенова М. Д.* Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950 (в дальн. — Крив.)

[13] Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. Т. 1. (в дальн. — Аф.); Сказки и предания Северного края / Запись, вст. ст. и коммент. И. В. Карнауховой. М., 1934 (в дальн. — Карн.); Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подг. Д. М. Балашов. Л., 1970 (в дальн. — Бал.); Сказки, песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955 (в дальн. — Вол. 1955); Сказки, песни, частушки / Под ред. В. В. Гуры. Вологда, 1965 (в дальн. — Вол. 1965); Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986 (в дальн. — Заон.).

Лисица, подхила гузница — Крив.
Лисичка, всем вам сестричка — Бал. 75

Волчище, серое хвостище — Аф. 82
Волк, из-за кустов хап — Аф. 83
Волк, из-за кустов хватыш — Аф. 84, Заон. 73
Волк — широка челюсть — Карн. 94
Волк-хвастун — Вол. 1955
Волчища-большой ротища — Крив.
Волчище-серо хвостище — Бал. 75

Медведь — тяпыш-ляпыш, всем подгнетыш — Аф. 82
Медведь — лесной гнет — Аф. 83
Медведь — всех вас давишь — Аф. 84
Медведь — толста пята, пустите под решата — Карн. 94
Медведица — толста пятища — Крив.
Медведище, всех вас потяпище — Бал. 79
Медведина-теплоедина — Бал. 99

Горносталь, по кустам вертыш — Карн. 94
Горносталюшко-чирикалюшко — Крив.
Горносталь-шелкун — Бал. 75

Комар-пискун — Аф. 83, Заон. 73
Комар-пищеляга — Вол. 1955

Блоха-попрядуха — Аф. 82
Блоха-поскакуха — Крив.

Ящерка-шерошерочка — Аф. 82
Ящерица-ширикаленка — Крив.

Функция прозвищ состоит в том, что ими преодолевается однообразие, «монотонность» сюжета. Каждый персонаж появляется с только ему присущим признаком. Такое появление нового лица создает ощущение движения. Так словесная тема обуславливает динамичность сюжета, речетворчество оказывается внутренним механизмом повтора и ритма. Сказка как игра аккумулирует в себе две противоположности: свободу и приверженность строгим правилам, основанным на повторении эквивалентных языковых единиц. «Эквивалентность становится конституирующим моментом в последовательности»[14].

Кумулятивный принцип как «конструктивная функция» (Ю. Тынянов) определяет структуру и стиль сказок сюжета «Пение волка» (тип 163) — од-

[14] *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика / Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм «за» и «против»: Сб. статей. М., 1975. С. 204.

ной из распространенных в русской сказочной традиции и широко бытовавшей на Русском Севере[15]. Повадившийся ходить к избушке волк песней последовательно выманивает всех ее обитателей. Действие, событие сказки заключено в песне, припевке волка. Она движет сказку, является ее нервом. Чем пространнее песня, чем чаще она повторяется, тем ярче сказка. Немало важно то, что песней волка становится присказка. Тринадцать раз повторяется она в варианте «Старик и старушка жили на горушке» (№ 70) из сборника «Сказки Заонежья»:

Старик да старушка
Жили на горушке
Сын да дочи
Да четыре овцы,
Корова без рога,
Кобыла без зада,
Кошка-судомойка,
Собака-пустолайка.

По существу, весь текст сказки — это повторяющаяся песня-припевка, перебиваемая констатирующей фразой «волк пришел», «старик выкинул».

Песня, представляющая собой стихотворный стереотип, «шаблонизированную фразеологическую конструкцию»[16], нужна сказке не для мотивированности действия, а создания акта игры, ее возобновления и продолжения.

Другой тип шаблонизации, связанный с последовательным уменьшением сказочных персонажей, деградацией, дает эпическая кумулятивная сказка «Звери в яме» (тип 20 А). Каждое поедание побуждается песенкой, в которой убывает одно лицо, названное последним. Художественно выразителен стихотворно-песенный шаблон в сказке из сборника «Русские народные сказки Карельского Поморья»:

Лисанька-лисавушка — хорошо имячко,
Мишенька-мисавушка — хорошо имячко,
Волк-волкушка — хорошо имячко,
Зайко-заюшко — хорошо имячко,
Мошник-Мошникович — хорошо имячко,
Ворона Карповна — хорошо имячко,
Петух-Петухович — хорошо имячко,
Курица — худо, давайте съедим[17].

Так последовательно, один за другим, исчезают сказочные персонажи. Однако сказка не содержит ничего трагического. Это не рассказ о смерти,

---

[15] Только севернорусские сборники сказок 1960—80-х гг. содержат 57 вариантов этого сюжета.

[16] *Никифоров А. И.* Народная детская сказка драматического жанра // Сказочная комиссия в 1927 году. Л., 1928. С. 55.

[17] Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. № 68.

а игра с поочередным выключением из действия кого-то по принципу детской считалки или жеребьевки. Такая игра-убывание создается разными видами повторов: здесь и синтаксические параллельные ряды, и тавтология-синонимия, и эпифора, и амплификация — целый каскад повторов.

Рассмотренные нами кумулятивные тексты, состоящие из повторяющихся ритмических стереотипных фразовых конструкций, облеченных в диалогическую форму, представляются нам прерогативой детского фольклора. Открытость сюжета, определяемая разным числом повторяющихся действий, никак не влияющих на исход, свидетельствует о том, что в них важен не результат, а сам процесс, который создает атмосферу игры. С этим связано развитие словесной темы, которая оказывается доминирующей и равна по функции сюжету. Словесная форма есть функциональный эквивалент сюжета (эта формула принадлежит Я. И. Гину). «Слово как таковое» (Р. Якобсон), воплощающее в игре идею некоего высшего порядка, обретает автономность, «свой собственный вес и самую большую и постоянную ценность»[18].

Кумулятивный принцип есть принцип ритма, ритма бесперебойного, при равенстве членов звена. Ему подчинены все уровни текста.

Кумуляция — одна из предпосылок создания константного «стилевого фонда» текста, что способствует его запоминанию, исключает разного рода деформации, ведущие к разрушению, а следовательно, способствует его сохранности. Это обстоятельство в немалой степени обусловливает принадлежность этих текстов детскому фольклору — вечно живому и не угасающему, принадлежность детскому репертуару.

Вышедшая из «древнего синкретизма» детская поэтическая классика прошла многовековой путь. Некогда обрядовый текст претерпел сложный процесс деритуализации. Ушла вера в истинность мифических событий. Утратилась магическая функция. Она заменилась игровой. А обряд, миф, сохранившись лишь на глоттогенетическом уровне, определил стиль, структуру, тропику сложившегося словесного искусства, стал первоисточником его поэтической образности.

---

[18] *Бенчич Ж.* Поэтическая функция языка и игра // Роман Якобсон. Тексты. Документы. Исследования. М., 1999. С. 633.